УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

Алексеев Александр Валерьевич
Московский городской педагогический университет,
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Российская Федерация
Aleksandr V. Alekseev
Moscow City Teacher Training University,
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation
avalekseev74@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ СИМВОЛА, МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ
В ИСТОРИИ СЛОВА
SYMBOL, METAPHOR AND METONYMY IN THE HISTORY OF THE WORD

Аннотация

В статье рассмотрены метафора и метонимия как способы создания символического значения слова. Категории метафоры, метонимии и символа анализируются в диахроническом аспекте на материале истории русского языка. Разграничение метафоры и символа обеспечивается разноуровневым характером этих двух единиц в семиотической системе. Метафора – средство семантического переноса, характерное для современного русского языка. В древнерусском языке шире представлена метонимия, что обнаруживается в истории слов *горесть*, *печаль*, *весёлый*, *город*. Метонимия в большей степени характерна для древних языков и при тщательном анализе может быть обнаружена в позициях, ошибочно толкуемых современными исследователями как метафора. Символические значения слова реализуются при удвоении означаемого слова: *горесть* ‘эмоция как знак события’, *город* ‘укрепление как символ власти’.

Abstract

In the article, metaphor and metonymy are considered as ways to create a symbolic meaning of the word. Categories of metaphor, metonymy and symbol are analyzed in diachronic aspect on the material of the history of the Russian language. The distinction between metaphor and symbol is provided by different levels of these two units in the semiotic system. Metaphor is a means of semantic transfer, characteristic of the modern Russian language. In the old Russian language is more widely represented metonymy, which is found in the history of the words *pechal'* (sorrow), *gorest'* (grief), *veselye* (joy), *gorod* (city / town). Metonymy is more characteristic of ancient languages and can be found in positions mistakenly interpreted by modern researchers as a metaphor. Symbolic meanings of the words are realized by doubling the meaning of the word: *pechal'* ‘emotion as a sign of the event’, *gorod* ‘fortress as a symbol of power’.

Ключевые слова: лексическая семантика, символ, метафора, метонимия, символическое значение.

Keywords: lexical semantics, symbol, metaphor, metonymy, symbolic value.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_18_25

1. Введение

В исторической лексикологии и лингвокультурологии под символом понимается культурный знак, элемент предметного или другого (соматического, графического) кода культуры, связанный с тем или иным словом отношениями означаемого (элемент предметного кода) и означающего (лексическая единица). В семиотическом аспекте символ совмещает в себе два означаемых, находящихся в знаковых отношениях. Такое совме-

шение возникает в результате семантического переноса (тропа), причём способы такого переноса могут быть различными. Основными способами семантического переноса являются метафора и метонимия (метафора – перенос содержания понятия, метонимия – перенос в пределах объёма понятия). Следовательно, символ – понятие иного уровня, нежели метафора и метонимия: символ – результат семантического переноса, метафора и метонимия – его способы.

Вместе с тем при изучении символов в лингвистике наиболее продуктивными оказываются методы изучения когнитивных метафор: терминам «означающее» и «означаемое» символа соответствуют в этом случае термины «источник» (знания, обобщающие практический опыт) и «цель» (знания, требующие уточнения, структурирования). В когнитивных исследованиях термин «символ» фактически заменяется термином «концептуальная метафора»: «устойчивые соответствия между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции данного общества» [Баранов, 2003, с. 76]. Характерно, что при этом подчёркивается фундаментальный характер подобного понимания метафоры, её высокая значимость в когнитивном и культурном отношениях. Показательно в отношении терминологического сближения символа и метафоры употребление термина «концептуальная метафора» при анализе религиозной символики: «религиозный язык является системой метафор, основанной на совокупности образов, которая служит организационным принципом познания трансцендентного» [Шитиков, 2013, с. 10].

Рассматривая символическое значение слова, необходимо разграничивать случаи, в которых символ организован метафорическим переносом – или метонимическим. Разграничение этих явлений основано на аксиоме «о наличии двух основных способов семантической деривации – на основе метафорических ассоциаций (симиляция) и метонимических (импликация)» [Конецкая, 1998, с. 25]. Этой аксиоме успешно следуют современные исследования когнитивной семантики: «основная часть моделей семантической деривации относится к одному из двух крупных классов – метафорические переносы и метонимические сдвиги» [Падучева, 2004, с. 187]. В современном языке символический семиозис чаще обеспечивается метафорой, которая совмещает в символе категории не тождественных понятий. Метонимия обеспечивает трансформацию значения в результате изменения фокуса, семантического акцента в пределах одного понятия. Соответственно, метонимия обычно не создаёт в современном русском языке коннотативного значения. Именно этим объясняется тот факт, что, в отличие от вопроса о разграничении метафоры и символа, вопрос о разграничении метонимии и символа не ставится: коннотация характеризует метафору и символ, но не метонимию.

В диахроническом плане соотношение символа, метафоры и метонимии оказывается принципиально иным: по мнению историков языка, метафора возникает на базе сформированных понятий, между тем как прелогический символ образуется посредством метонимии. Отмечается, что свойством архаичных языков является «преимущественное использование концептуальной метонимии, а не метафоры» [Елоева, Перехвальская, 2004, с. 97]. Такая особенность возможна в условиях, когда объём понятия ещё не сформирован, границы его не ясны, и смещение на основе пространственно-временной и причинно-следственной смежности позволяет достигать основной цели символа: характеризовать неизвестное через известный, предметно-чувственный образ.

Различие метафоры и метонимии состоит в отношении к объёму и содержанию понятия: метонимия расширяет объём понятия, метафора переносит его содержание в принципиально иную область. Поскольку категориальная сетка обусловлена культурно и исторически, то часто оказывается, что механизм, воспринимаемый современным исследователем как метафора, при более внимательном рассмотрении оказывается мето-

нимией (в частности, в истории языка пренебрежение к особенностям древнего сознания «приводит к ошибочным заключениям о “метафоричности”» [Колесов, 1995, с. 238]).

Во многих исследованиях метафора предстаёт как тотальная, всеохватная категория, которая включает в себя и собственно метафору как механизм, способ семиотического переноса, и символ как его актуальный результат. Отсюда возникает потребность в различных (минимум двух) интерпретациях метафоры – как средства создания переносного значения или как средства своеобразного моделирования мира [Зализняк, 2013, с. 53–58]. В некоторых случаях тотальность метафоры простирается даже до такой степени: «Поскольку принципы метафоры всё равно довольно разнообразны, я склонен рассматривать метонимию и синекдоху как особые случаи метафоры и добавить их принципы к моему списку принципов метафоры» [Серль, 1990, с. 335]. Тотальность метафоры в современном лингвистическом дискурсе объясняется тем, что большинство посвящённых ей исследований – синхроничны и при этом опираются на общепринятую мировую традицию понимания метафоры в философии языка как явления двупланового.

2. Символические значения слова

Постулируемая в большинстве исследований двухсубъектность метафоры – результат её проекции на определённый синхронный срез, в рамках которого метафора обеспечивает символическую структуру. В этом смысле метафора оказывается изоморфна символу: она обладает удвоенным содержанием: «метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний» [Баранов, 2014, с. 29]; содержание, являющееся вторичной формой, как и в символе, представляет собой «более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью» [Баранов, 2014, с. 31]. С позиций диахронии метафорический перенос предстаёт как потенциальный, или актуальный, или завершённый – и в последнем случае мы имеем дело с моносубъектным знаком. Например, слово *горечь* в значении ‘негативная эмоция’ понимается как классическая эмотивная метафора, а слово *горесть* таковой не считается. Между тем при диахроническом подходе эти два слова должны рассматриваться как словообразовательные варианты, реализующие в истории идентичный семантический перенос: ‘горький вкус, запах’ → ‘негативная эмоция’. Понятно, что при диахроническом понимании противопоставление живой и стёртой метафор по существу теряет смысл, так как степень актуальности первого и второго референтов тропа – это вопрос, решаемый при характеристике символа. Для выделения метафоры более важным оказывается разграничить первичный и вторичный сигнификаты.

Тотальность метафоры преодолевается тем, что при внимательном анализе мы видим на её месте символ (двухсубъектный результат её действия) или метонимию (иной тип тропа, возникающий при тождестве понятия). В частности, зоонимы типа *гадюка*, *свинья*, *гад* в применении к человеку во всех случаях представляют собой метафору в русском языке, в том числе и для последнего слова, которое фактически утратило мотивирующее значение ‘земноводное или пресмыкающееся животное’. Вопрос же о возможной степени совмещения двух субъектов (двойной референции) касается не качества метафоры, а действительности, полноты реализации символа. Можно утверждать, что символ – это результат действия метафоры, достигаемый или не достигаемый; символ закрепляет результат метафоры в системе языка и культуры.

Следовательно, должны быть выделены метафорические модели, в которых реализация символа возможна в большей или меньшей степени, модели, в которых символический семиозис максимально противостоит знаковому. Знаковое и символическое употребления слова обычно не разделяются словарями современного русского языка. Например, синтаксически обусловленные модели со сравнительными конструкциями

типа *грязный как свинья* представляются, видимо, лексикографам недостаточно самостоятельными и частотными – в отличие от моделей с реализацией предиката: *Ты свинья*. В моделях второго типа выделяется переносное, синтаксически обусловленное значение ‘грязный, аморальный человек’; в моделях первого типа особое значение ‘грязное животное’ не выделяется, соответствующая семема включается в состав основного, прямого значения. Между тем именно в сравнительных оборотах типа *грязный как свинья, злой как собака* следует видеть значения, промежуточные между прямым и переносным. Такие значения должны, соответственно, рассматриваться как символические, обладающие удвоенным означаемым. Ср. в расширенном толковании: *свинья* ‘грязное животное – человек в своей нечистой ипостаси’; *собака* ‘злобное животное – человек в своей недоброй ипостаси’.

Обнаружение двух референтов при анализе употреблений слова в ряде случаев ведёт к ошибочному обнаружению метафоры на месте метонимии. Между тем двойная референция в таких случаях свидетельствует об актуальности символа, но в глазах исследователей «тотальной» метафоры затмевает истинную характеристику семиотического явления, характеризующегося единичностью понятия и семантическим переносом в пределах его объёма. В качестве показательного примера могут быть рассмотрены эмотивные номинации.

Целый ряд древнерусских эмотивов мог обозначать и саму эмоцию, и физическое состояние человека: *печаль, скръбь, троудъ, кроучина, бользнь, веселье*. Многозначная структура первых пяти слов включала семемы ‘негативная пассивная эмоция’ и ‘нездоровое состояние тела’; структура последнего – семемы ‘позитивная эмоция’ и ‘энергичное поведение, бодрость тела, пляс’. С современной точки зрения, многозначность таких слов формируется посредством метафоры: признак активности или подавленности переносится из области душевной в область физическую – и наоборот: в одном случае представлен сигнификат эмоции, в другом – сигнификат телесного состояния. Регулярное обозначение эмоций через физиологические состояния, продуктивное и в современном языке, рассматривается как «телесная метафора состояний души» [Апресян, Апресян, 1993, с. 31]. Однако анализ внутренней формы слова показывает, что во всех случаях в основе номинации находится признак некоего соматического ощущения, отрицательного или положительного. Например, ближайшей родственной формой к общеславянскому **vesel-* является латыш. *vesels* ‘здоровый, целый, невредимый’ [Фасмер, 1986, с. 303]; ср. *скръбьнь* ‘болен’. Дальнейшая этимология позволяет соотнести на основе и.-е. корня **ues-* русские слова *весёлый* и *весна*. Таким образом, *весёлый* с точки зрения внутренней формы слова – ‘наполненный жизненной силой’; аналогичный семантический признак присутствует, например, и в лексическом ряду *ярость – ярый – яровой*.

Следовательно, у перечисленных выше названий эмоций первоначальный признак номинации указывал на повышение жизненной силы либо на её недостаток, упадок. Этот признак использовался при характеристике различных состояний человека, причём эмоциональная сфера не была ещё выделена в древнейшее, праславянское время в самостоятельную понятийную область. Душевные и телесные ощущения воспринимались как неразрывно связанные и взаимообусловленные, соотносились с различными аспектами комплексного понятия «состояние человека». Отсюда следует, что наблюдаемая в древнерусском языке полисемия ‘печаль’ – ‘болезнь’ или ‘радость’ – ‘пляска’ (собственно, не полисемия, а синкретизм) организована посредством метонимии – выбором иного фокуса в рамках объёма понятия; данная метонимия связана с расширением исходного праславянского образа. При употреблении слова такой синкретизм реализовывался в виде символических значений *печаль* ‘физическое страдание как

знак душевного уныния’, *трудоу* ‘претерпевание физических тягот как знак душевного смирения’ (ср. значение церковного термина *трудник*), *веселье* ‘праздничная пляска (в особенности свадебная) как знак радости и счастья’. В последнем случае при разрушении синкретизма и символического значения в истории русского языка выделилось самостоятельное значение ‘свадьба’: *на брачных веселях руками плещуще...* Сл. и поуч. против языч., XVII в. [Словарь..., 1975, с. 112].

3. Древнерусская метонимия слова *городъ*

Другой пример невыявленной метонимии связан с историей слова *городъ*. В русской летописи под 1169 годом при описании битвы князя Михаила, сына Юрия Долгорукого, с половцами представлена следующая ситуация: *Переяславци же дерзи суще, поѣхаша напередъ с Михалкомъ. Берендѣеве же яша князя за поводъ и не даша имъ ѣхати, рекуще: не ѣздите вы напередъ, вы есте нашъ городъ, а мы поидемъ напередъ стрѣльци. И сняшася обои, и бы(сть) стѣча зла.* Лаврентьевская летопись, 121 [Полное собрание..., 1927, с. 360]. Исторический словарь, приводя аналогичный контекст по другому списку, толкует здесь значение слова *городъ* как ‘защита’, следуя, видимо, в этом толковании за пересказом С. М. Соловьева, ср.: «Переяславцы хотели было ехать наперёд с князем Михаилом, но берендеи опять схватили у Михаила коня за повод и сказали: “Вам не след ехать наперед, потому что вы наш город (защита), а мы, стрельцы, пойдем наперёд”» [Соловьев, 2015, с. 286]. Ср. толкование и цитату в словаре: «2. Укреплённое поселение, крепость. ... || Перен. Защита (1169): *Берендѣеве же яша под кн(я)земъ конь за поводъ, не дадуще ехати имъ рекуще: не ездите вы напередъ, вы есте нашъ городъ, ать мы поидемъ напередъ стрѣльци.* Переясл. лет., 79» [Словарь..., 1977, с. 90–91].

При подобном толковании мы с несомненностью должны видеть в приведённом примере метафору – перенос от конкретного значения ‘город’ к абстрактному значению ‘защита’. Однако само толкование представляется нам неудачным на фоне более широкого летописного контекста. Летопись указывает, что союзных берендеев было полторы тысячи против сотни княжеских переяславцев. Соответственно, первые могли служить защитой вторым, но не наоборот. Кроме того, берендеи, переходя в наступление против врага, предлагали князю с переяславской дружиной остаться в тылу, где не предполагалось участие в битве и не было возможности реализовать какие-либо функции защиты. Таким образом, следует признать толкование *городъ* ‘защита’, предложенное С. М. Соловьевым, неудачным, обусловленным метафорическим мышлением историка XIX века. Между тем от древнерусского семантического переноса следует ожидать метонимической связи, и восстановить её возможно при учёте всех аспектов, в том числе и культурных, символических, древнерусского концепта *городъ*.

Помочь в правильном толковании может другой, более ранний контекст из того же летописного рассказа: *Берендѣеве же яша за поводъ, рекуще: княже не ѣзди, тобѣ льпо ѣздити в велицѣ полку, еда совкупишися с братьею.* Лаврентьевская летопись, 120 об. [Полное собрание..., 1927, стб. 359]. Мы видим здесь конструкцию, аналогичную представленной выше: оказывается, берендеи дважды убеждали князя не участвовать в столкновении, и в первый раз указывали на необходимость соответствия высокому статусу: *льпо – пристойно только ездить в большом полку* в пересказе С. М. Соловьева. Таким образом, берендеи останавливали князя, потому что он был высшим руководителем военного похода, верховным представителем власти – что полностью соответствует символическому значению слова *городъ* ‘крепость – символ власти’. Приведённый выше пример можно перевести как *не надо ездить, потому что ты наша власть*. Это будет корректно, но неточно, потому речь в летописи идёт и о дружи-

не, понимаемой в совокупной целостности с князем как военная сила с определёнными функциями. Обратившись к древнерусскому понятию города, мы можем чётко сформулировать такие функции: летописный древнерусский город – это укрепленная территория, представляющая собой центр военных действий, опорную точку, базу поддержки в период проведения военной кампании. Таким образом, обращаясь к князю, берендеи высказывали пожелание, чтобы тот, реализуя походную власть, оставался в арьергарде и организовал тыл боевых действий: обеспечил военный лагерь, вероятно укрепленный, базу для возможного отступления и обороны. То есть княжеская дружина должна была стать походным городом, *оустроити городъ*, что соответствует употреблению этого слова в летописных текстах. Анализ древнерусской лексики *городъ* показывает, что локальная закреплённость не была обязательным признаком древнерусского города, ср.: *Мъстиславъ же, Кыевскыи князь, видя се зло, не движесе съ мѣста никамо же; сталъ бо бѣ на горѣ надъ рѣкою надъ Калкомъ, бѣ бо мѣсто то камянисто, и ту угоши городъ около себе въ колѣхъ, и бися с ними из города того по 3 дни*. Новгородская I летопись, 98 об. [Новгородская..., 1950, с. 63].

4. Выводы

Из приведённых рассуждений и примеров следует, что в исходном контексте *вы нашъ городъ* соответствует синкретичному употреблению древнерусского образного понятия: происходит контекстуальное расширение объёма понятия ('постоянное военное укрепление' → 'любой укрепленный военный лагерь'), то есть осуществляется метонимический перенос. Важно заметить, что рассмотренный фрагмент достаточно устойчиво воспроизводится в различных летописных списках. Это может свидетельствовать о том, что конструкция *вы нашъ городъ* воспринималась как достаточно типическая (свойство метонимии), но не уникальная, исключительная (свойство метафоры). Ср., помимо приведённых выше Лаврентьевской и Переяславской летописей, пример из Воскресенской летописи: *Берендѣи же удрѣжаша князя, емше подъ нимъ конь его, рече: не ходите вы, княже, напередъ, вы есте нашъ городъ, а мы идемъ напередъ со стрѣльци*. Воскресенская летопись, 1170 г. [Полное собрание..., 1856, с. 86].

Проведённые этимологический анализ (древнерусских названий эмоций) и анализ древнерусского текста показывают, что метонимия в древнем языке оказывается более распространённым явлением, чем метафора. Метонимический тип семантического переноса соответствовал особенностям древнего мифологического и символического мышления, которое оперировало связями внутри неопределённо широких объёмов формируемых понятий. В лексико-семантической системе метонимия способствовала реализации семантического синкретизма и символических значений слова.

Список литературы

- Апресян, Апресян, 1993 – Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 27–35.
- Баранов, 2014 – Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры [Текст] / А. Н. Баранов. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 630 с.
- Баранов, 2003 – Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей [Текст] / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.
- Елоева, Перехвальская, 2004 – Елоева, Ф. А. «Преметафорическая» стадия развития языка [Текст] / Ф. А. Елоева, Е. В. Перехвальская // Теоретические проблемы языкознания. Сб. статей к 140-летию каф. общего языкознания фил. ф-та СПбГУ. – СПб.: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – С. 76–98.

- Зализняк, 2013 – Зализняк, А. А. Русская семантика в типологической перспективе [Текст] / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2013. – 635 с.
- Колесов, 1995 – Колесов, В. В. Метафора в «Слове» [Текст] / В. В. Колесов // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 тт. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 3: К–О. – С. 238–245.
- Конецкая, 1998 – Конецкая, В. П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии [Текст] / В. П. Конецкая // Вопросы языкознания. – 1998. – № 2. – С. 22–37.
- Новгородская..., 1950 – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов [Текст] / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 642 с.
- Падучев, 2004 – Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики [Текст] / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
- Полное собрание..., 1927 – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку [Текст]. – Л. : Изд-во АН СССР, 1927. – 488 стб.
- Полное собрание..., 1856 – Полное собрание русских летописей. Т. VII. Летопись по Воскресенскому списку [Текст]. – СПб. : Тип. Э. Праца, 1856. – 346 с.
- Серль, 1990 – Серль, Дж. Р. Метафора [Текст] / Дж. Р. Серль // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 307–341.
- Словарь..., 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1975. – Вып. 2. – 320 с.
- Словарь..., 1977 – Словарь русского языка XI–XVII вв. [Текст]. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4. – 404 с.
- Соловьев, 2015 – Соловьев, С. М. История России с древнейших времен [Текст] / С. М. Соловьев. – Т. 2. – СПб. : Амфора, 2015. – 477 с.
- Фасмер, 1986 – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Прогресс, 1986. – Т. I. – 576 с.
- Шитиков, П. М. Концептуальная метафора в библейских текстах [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Шитиков Петр Михайлович ; Удмуртский гос. ун-т. – Ижевск : 2013. – 22 с.

References

- Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D. (1993). *Metafora v semanticheskom predstavlenii emotsiy* [Metaphor in semantic representation of emotions]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 3, 27–35.
- Baranov, A. N. (2014). *Deskriptornaya teoriya metafor* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury Press.
- Baranov, A. N. (2003). *O tipakh sochetaemosti metaforicheskikh modeley* [On the types of compatibility of metaphorical models]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 73–94.
- Eloeva, F. A., Perekhval'skaya, E. V. (2004). «Premetaforicheskaya» stadiya razvitiya yazyka ["Primatologicheskyy" stage of language development]. *Teoreticheskie problemy yazykoznaniya. Sb. statey k 140-letiyu kaf. obshchego yazykoznaniya fil. f-ta SpbGU* [Theoretical problems of linguistics. A collection of articles to the 140th anniversary of the General linguistics Department of Phil. faculty St Petersburg State University] (pp. 76–98). Saint-Petersburg : St Petersburg State University.
- Zaliznyak, A. A. (2013). *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in typological perspective]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Kolesov, V. V. (1995). *Metafora v «Slove»* [The Metaphor in the "Word"]. *Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*: V 5 tt. T. 3: K–O [Encyclopedia "The Word about Igor's regiment": In 5 vols. Vol. 3: K–O] (pp. 238–245). Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin Press.
- Konetskaya, V. P. (1998). *Aksiomy, zakonomernosti i gipotezy v leksikologii* [Axioms, regularities and hypotheses in lexicology]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 2, 22–37.

- Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov. (1950). [The first Novgorod chronicle senior and junior nagged]. Moscow–Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. Lavrent'evskaya letopis'. Suzdal'skaya letopis' po Lavrent'evskomu spisku. (1927). [Full collection of Russian Chronicles. Laurentian chronicle. The Suzdal chronicle of the Laurentian Codex]. Leningrad : USSR Academy of Sciences Press.
- Polnoe sobranie russkikh letopisey. Letopis' po Voskresenskomu spisku. (1856). [Full collection of Russian Chronicles. Chronicle of the Sunday list]. Saint-Petersburg : Tip. E. Pratsa Press.
- Searle, J. R. (1990). Metafora [Metaphor]. *Teoriya metafor* [Theory of metaphor] (pp. 307–341). Moscow : Progress Press.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 2. (1975). [Dictionary of Russian XI–XVII centuries. Issue 2]. Moscow : Nauka Press.
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4. (1977). [Dictionary of Russian XI–XVII centuries. Issue 4]. Moscow : Nauka Press.
- Solov'ev, S. M. (2015) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia since ancient times]. Vol. 2. Saint-Petersburg : Amfora Press.
- Fasmer, M. (1986). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. 1. Moscow : Nauka Press.
- Shitikov, P. M. (2013). *Kontseptual'naya metafora v bibleyskikh tekstakh* [Conceptual metaphor in biblical texts]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Izhevsk : Udmurt State University.